

Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления

А. Н. Сперанская

Writing and Calligraphy in Proverbs: Russian-Chinese Comparisons

A. N. Speranskaya

Алевтина Николаевна Сперанская — кандидат филологических наук; Институт иностранных языков и литературы, университет Ланьчжоу, Ланьчжоу, Китайская Народная Республика. E-mail: alsperanskaya@yandex.ru

Alevtina N. Speranskaya — candidat of Philological Sciences; School of foreign languages and literature, Lanzhou University, Lanzhou, Gansu Province, P. R. China
ORCID: 0000-0002-0712-1337

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

Работа посвящена сопоставлению двух групп паремиологических текстов на тему письма (рукописной записи) и каллиграфии. В статье представлено описание специфических характеристик написанного текста в русской и китайской культурах. Русские паремийные тексты о письме связаны с грамотностью, так как грамотный — это тот, кто умеет читать и писать. Умение писать получает в паремиях высокую оценку. Письмо требует интеллектуальных усилий: *Не пером пишут, а умом*. С письмом соединена способность понимать. Письменный текст в паремиконе связан с государственными или социально значимыми структурами, что воплощено в лексеме закон, который создается в процессе написания. В паремиконе закреплена мысль о невозможности исправить написанное. Четкость написания и разборчивость почерка — едва ли не самые важные критерии при оценке письменного текста, что объясняется прагматической установкой: текст должен легко читаться, а небрежная манера письма затрудняет понимание написанного. Важность нормы утверждается за счет «отрицательных примеров», содержащих большое количество шутливых сравнений. Основное свойство «нормального» письменного текста — грамотность и гладкость изложения. Ценность написанного слова не абсолютная, а ситуативная. Китайское каллиграфическое письмо ориентировано, скорее, на пишущего, оно является способом самовыражения человека. Овладение каллиграфией — длительный процесс, так как каллиграфия помогает воспитывать характер. Практика каллиграфического написания сравнивается с отработкой удара. Предшествует написанию обдумывание того, что каллиграф хочет изобразить. Каллиграфия несет отпечаток личности пишущего. Многочисленные тексты с положительной оценкой: в паремиях говорится о красивой, изящной, хорошей каллиграфии, а также о свободном, легком, смелом, сильном, мускулистом, твердом и пр. письме. Национальная специфика выражается в использовании природного кода, зоонимического и метеорологического, как образного ресурса при описании каллиграфии.

Ключевые слова: паремия, пословицы и поговорки, чэньюй, письмо, каллиграфия, русско-китайские сопоставления

This work is focused on the comparison of two groups of paroemiological texts devoted to writing (handwriting) and calligraphy. The article gives the description of the specific characteristics of the written text in Russian and Chinese cultures. The Russian paroemial texts about writing are connected with the literacy, as the literate person is the one who can read and write. The ability to write is highly valued in the paroemias. Writing demands intellectual effort: *One writes not with a pen, but with the mind*. The ability to understand is connected to writing. The written text in the paroemicon (collection of paroemias) is connected to state or socially significant structures, which is embodied in the lexeme “law” created in the process of writing. The paroemicon enshrines the idea that it is impossible to correct what is written. Accuracy and legibility of handwriting are almost the most important criteria in evaluating a written text which is explained by pragmatic rules: a text should be easy to read, and a careless writing impedes understanding of what is written. The importance of norm is asserted through “negative examples”, containing a large number of humorous comparisons. The main characteristic of “normal” written text is literacy and fluency. The value of the written word is not absolute, but situational. Chinese calligraphy is more oriented on the writer, it is a way of self-expression. Mastering calligraphy is a long-term process, as it builds personality. Practicing calligraphy is compared to practicing a punch. Before writing the calligrapher first thinks about what he wants to inscribe. Calligraphy carries the imprint of a writer’s personality. There are numerous texts with positive evaluations: proverbs say about beautiful, graceful, good calligraphy and also about free, easy, brave, strong, muscular, firm and other writing. The national specificity is expressed in the use of natural, zoonimic and meteorological, cultural codes as a figurative device in describing calligraphy.

Keywords: paroemy, proverbs and sayings, Chengyu, writing, calligraphy, Russian-Chinese comparisons

УДК 003.212:003.077(470+510)

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. В сопоставлении паремиологических корпусов выделяют несколько направлений. Во-первых, лингвострановедческое (в современной терминологии – межкультурное), которое служит выявлению сходства, установления степени эквивалентности и пр. (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин,

В. Н. Телия и др.). Другое – социолингвистическое: описание реалий и социальных условий, отражённых в паремии. Третье направление решает задачу экспликации в паремии её национально-культурной специфики: символики и универсалий, а также так называемых культурных концептов. Наконец, ещё одно направление: имея представление о закономерностях постижения мира человеком, увидеть механизм отражения этих результатов в паремиях и сформулировать их, опираясь на терминологический аппарат когнитивной лингвистики.

Цель настоящей статьи – сравнение русского и китайского паремикона о письме, письменном тексте и каллиграфии с целью обнаружения национальных и культурных особенностей, которые отражены в этих текстах. Данное направление изучения точнее всего будет назвать этнокультурным. В нем сочетается интерес к реалиям материального и духовного мира этноса и внимание к тем логико-семантическим умозаключениям, которые можно «вычитать» из текста паремий, и которые отражают национальную картину мира.

Предлагаемое исследование посвящено анализу устойчивых языковых единиц о письме и каллиграфии. Тем самым продолжают две традиции изучения: определенного паремикона (группы паремий на одну тему) и письменной фактуры текста.

История вопроса. Сопоставительные русско-китайские работы, посвященные анализу устойчивых речевых единиц, не столь многочисленны. Это прежде всего работы [Бо Лю, 2009; У Вэй, 2012; Коробейникова и др., 2015; Шитов, Мао, 2015; Салимова, 2018; Цзюй, 2018] и др., а также коллективная монография [Россия – Китай, 2014]. В них показано национально-культурное своеобразие паремий и фразеологизмов о здоровье, болезни, зиме, о человеке, об образах животных и т.д., но не представлен анализ народных речений, посвященных письму как виду речевой деятельности и каллиграфии как искусству оформления знаков, где ценятся гармония и виртуозность исполнения.

Русским паремиям о письме посвящены статьи [Сперанская, 2014; 2015]. Алфавитная идиоматика, то есть буквы алфавита, которые стали не только техническим средством письма, но и особым культурным текстом, в котором имена разных букв приобретают фразеологизированные значения, рассмотрена в [Шмелева, 2004; 2005]. Таким образом, русско-китайские сопоставления паремиологических текстов, посвященных письму и каллиграфии, имеют в отечественной лингвистике пока небогатую базу изучения.

Для обозначения китайских устойчивых выражений используется несколько терминов. «Долгое время в китайской фразеологии все единицы обозначались словом «чэньюй» 成语 (дословно «готовое выражение»). Под этим термином

подраумевались не только собственно чэньюй как вид фразеологизмов, но и всякого рода устойчивые выражения, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, афоризмы» [Гнездилова, Глинкин, 2016: 60]. В современной литературе содержится следующая типология китайских фразеологических единиц: чэньюй – идиома; сехоуэй – недоговорка-иносказание; яньюй – пословица; суюй – поговорка, поговорка; гуаньюньюй – фразеологическое сочетание. Однако специфика китайской фразеологии такова, что эти термины соотносятся лишь условно с принятыми в отечественном языкознании (см. об этом: [Войцехович, 2007; Арикеева, 2020; Коробейникова и др., 2015; Чжан М., Саяхова, 2017]).

Включенный в статью материал принадлежит к паремиологическим единицам, как их понимал Г. Л. Пермяков [Пермяков, 1970], подчеркивая единство разнородных устойчивых языковых единиц и объединяя их свойствами: клишированность, сжатость, общедоступность, широкое бытование «в народе».

Особенность паремийных суждений в том, они трехмерны: паремию можно рассматривать а) как часть языковой системы (тогда паремия – устойчивое сочетание, в котором отражается языковая картина мира этноса); б) как элемент мысленной деятельности (тогда паремия – логическая единица, выражающая те или иные суждения); в) как фольклорный жанр – художественную миниатюру, в которой ярко обобщаются факты окружающей действительности.

Китайские чэньюй можно назвать народными суждениями по широте распространения и употребления, однако «происхождение чэньюев различное: некоторые пришли из исторических преданий, притч, философских трактатов; другие созданы на основе устоявшихся привычных выражений... Количество знаков в чэньюе может варьироваться, но наиболее часто встречающиеся – четыре иероглифа» [Десять чэньюев, 2021]. Для современного китайца владение чэньюями – признак как отличного знания древней культуры, так и хорошего слога, поэтому «в своей устной и письменной речи китайцы часто применяют их, что придает убедительности высказыванию, а также является признаком образованности» [Китайские идиомы чэньюй, 2021]. Древность происхождения, использование старого стиля и образная система чэньюев создает большие трудности для понимания и перевода: «Сложность при переводе чэньюя заключается в том, что подчас его смысл непонятен, если исходить из значений входящих в него иероглифов. Наиболее полное его понимание достигается через знакомство с историей, стоящей за ним» [Десять чэньюев, 2021].

Можно привести пример «классического» предъявления читателю чэньюя, принятого в китайской учебной и лексикографической практике:

«За один иероглиф – тысяча золотых (一字千金)»

Эта история была описана Сима Цянем в его труде «Шицзи» («Исторические записи»).

В конце эпохи Борющихся Царств премьер-министр царства Цинь Лю Бувэй с группой своих последователей составил литературный сборник. Книга называлась «Люши Чуньцю», она состояла из двадцати шести глав, которые содержали сто шестьдесят очерков. Всего в книге было двести тысяч иероглифов.

Лю Бувэй был очень доволен своим творением. Он приклеил к городским воротам Сяньяна свитки книги и объявил, что тот, кто сможет добавить к написанному хоть один иероглиф или, наоборот, убрать хоть один лишний, тот получит тысячу золотых монет. Естественно, никто не отважился выступить в роли критика такого могущественного чиновника, каким был Лю Бувэй.

Идиомы «За один иероглиф – тысяча золотых» стала применяться к литературному произведению, когда хотят подчеркнуть изысканность и совершенство языка, которым оно написано» [За один иероглиф – тысяча золотых, 2021]. См. также сборник Сунь Чжичжэн «Китайские идиомы» (2017).

Методология и методика анализа. Методом сплошной выборки были сформированы два корпуса паремий, объединенных одной темой. При этом проводился контекстуальный анализ значения слов в контексте всей паремии. Когнитивный анализ позволил выявить смыслы паремий и выделить главные смысловые компоненты.

Ведущими методами исследования стали описательный и сопоставительный. Описательный метод использовался при анализе собранных языковых единиц. Важной составной частью описательного метода стало наблюдение, сущность которого заключается в выделении единиц описания. Далее была задействована интерпретация, которая представляет собой толкование результатов наблюдения.

Метод сравнения, взаимного соотнесения позволил сопоставить два различных паремикона для установления их общих и уникальных черт. Сопоставительный метод, базируясь на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности. Целью сопоставительного исследования языков становится определение контрастов и различий своего и чужого. Сопоставляя близкие по содержанию тексты разных лингвокультур, мы обнаруживаем как различия, так и сходства. В сопоставительный анализ входит «выявление сходств, различия и соотношения не только структуры, но и содержания текстов», не только текстов «как целостных образований, но и сопоставление отдельных элементов этих текстов» [Комиссаров, 2009, с. 17–18]. Таким образом, полученная в ходе исследования информация не противопоставлялась, а именно сопоставлялась в рамках своего языка и чужого: производилось сопоставление русской паремиологической картины мира с аналогичной в китайском языке.

Анализ материала и результаты исследования. Материал настоящего исследования взят из двух основных источников: «Словаря русских пословиц и поговорок» В. И. Даля и Большого китайско-русского словаря. Картотека составила более 40 русских единиц и примерно столько же китайских. В работе приведен не весь собранный корпус паремий о письме и каллиграфии, опущены некоторые синонимические варианты с незначительными лексическими заменами.

Русский паремикон

Русские паремии о письме (рукописном тексте) не столь многочисленны. При этом они распределены в сборнике В. И. Даля по разным тематическим группам: «Грамота» и «Язык – речь». В них присутствует либо предикат *писать*, либо обозначение материала и технического средства – *перо*, *бумага*. Однако некоторое

количество паремий, в которых нет данных лексем, все же относятся к теме. Это тексты, связанные с грамотностью, так как грамотный – это тот, кто умеет читать и писать.

Умение писать получает в паремиях высокую оценку: *Спать не писать – только глаза зажать* (т.е. немудрено. Здесь и далее в скобках и без курсива – пояснения, сделанные В. И. Далем). В поговорке *Побольше грамотных, поменьше дураков* ценность навыка выражена в противопоставлении «грамотный (умный)» – «дурак». Необходимость и польза письма показана в таком дидактическом наставлении: *Грамоте учиться всегда пригодится*. В тексте *Учился читать да писать, а выучился петь да плясать* расставлены приоритеты: владение грамотой оказывается важнее. Хотя, как это часто бывает в паремиконе, представлена и обратная ситуация, когда *И сам тому не рад, что грамоте горазд*.

Письмо требует интеллектуальных усилий: *Не пером пишут, а умом*. Таким образом, с письмом соединена способность понимать. В ироничном выражении *Я, брат, писать умею, а читать не смыслю* письмо и чтение/понимание разделены, что и создает комический эффект.

Создание письменного текста считается делом нетрудным по сравнению с крестьянским трудом: *Перо сохи легче; Грамотей – не пахарь* (не работник).

Письменный текст в паремиконе связан с государственными или социально значимыми структурами. Они воплощены в лексеме *закон*, который создается в процессе написания: *Про нужду закон не писан* (ср. *Нужда закона не знает*); *Дураку закон не писан*; *Больному да дорожному закон не писан* (о посте).

Отношение к написанному скорее несерьезное, если письмо (рукописный текст) представляет собой некий официальный документ: *Бумага терпит, перо пишет; Перо скрипит, бумага молчит*. Отсюда – недоверие: *При нас читано, да не при нас писано; Врет, что по-писаному*.

Впрочем, существует паремия и о другом отношении к написанному: *Он крест кладет по-писаному* (т.е. вежлив, обычлив): она отсылает к письменному тексту, который оценивается как важный, так как включает правила вежливого обращения.

В паремиконе закреплена мысль о невозможности исправить написанное: *Быть по-сказанному, что по-писаному; Что написано пером, того не вырубишь топором; Напишешь пером, не стешешь (не вырубишь) топором; Написано пером, не вырубишь топором; Напишешь пером, что не вывезешь волом*.

Четкость написания и разборчивость почерка – едва ли не самые важные критерии при оценке письменного текста, что объясняется прагматической установкой: текст должен легко читаться, а небрежная манера письма затрудняет понимание написанного. Важность нормы, как это часто происходит в фольклорных текстах, утверждается за счет «отрицательных примеров», в нашем случае – большого количества шуточных сравнений:

плохого почерка – *Писали писаки, а прочтут собаки; Писал писачка, а имя ему собачка; Пишет, как чёрт шестом по Неглинной; Вертит пером, что веретеном (что чёрт крючком, хвостом);*

мелкого – *Словно маку насеял* (мелкое письмо);

небрежного – *Писал Макарка своим огарком; Письмо – словно куры набродили; Курячы ножки, крючки да присошки;*

неразборчивого – *Писано на решетке, с подкладкой полотенца (неразборчиво).*

При написании скорость письма тоже подразумевает некий стандарт: *Пишет, словно разводы разводит* (крупно и медленно).

В этих паремиях ирония направлена не только на «ненормативное» письмо, но и на самого пишущего: *Пиши знай: кому надо – разберёт.* Несерьезное отношение писца к создаваемому тексту отражено в шутовском присловье *Где чихнуть пришлось – запятая; где икнулось – двоеточие, а где табаку понюхать – точка.* Этой приговоркой можно иллюстрировать плохое знание пунктуации: по сути она о безграмотном письме.

Однако основное свойство «нормального» письменного текста – грамотность и гладкость изложения: *По писаному, что по тёсаному.* И поэтому хорошая устная речь сравнивается с письменной: *Говорить по писаному; Говорит, что пишет* ('говорить быстро и без запинок; толково и обстоятельно; выражаться грамотно'). Последняя идиома имеет литературное происхождение: это неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 2, явл. 2) – слова Фамусова о Чацком: «Что говорит! И говорит, как пишет!».

Иногда письменный текст позволяет более свободно выразить пишущему свои мысли: *Язык коснеет, а перо не робеет; Перо смелее (ходчее) языка.* Письмо, убирая барьер личного присутствия собеседника, раскрепощает.

Неопределенность какого-либо будущего события тоже реализуется с помощью действия *писать*, хотя и весьма своеобразным способом: *Это вилами писано (на двое), да еще и на воде. Это вилами писано* (т.е. надвое, неверно); *Его слова на воде писать.* Бессмысленность письма на воде создает емкий образ неясного прогноза или неоправданного ожидания маловероятного события. Надо иметь в виду, что текст восходит к мифологическим воззрениям и ритуальным действиям славян, которые в паремии получают ироничную оценку.

Так какое оно, написанное слово, в русском паремиконе? Оно разное, и его ценность не абсолютная, а ситуативная. Анализ паремий позволил сформулировать следующие утверждения: письмо связано с грамотностью (одно признак другого) и с интеллектуальными усилиями («пишут умом»); одно из важных свойств письменного текста – невозможность переделать написанное; при некоторых обстоятельствах пишущий более свободен в возможности выразить какие-либо мысли; наконец, писать следует разборчиво и понятно.

Китайские устойчивые речения

Китайская каллиграфия – это искусство гармонии, создаваемое балансом черт и пустот между ними, что подвластно только опытному и мудрому человеку.

В выражении *Четыре драгоценности (сокровища. Здесь и далее в круглых скобках – возможные варианты перевода) рабочего кабинета* – 文房四宝 (wén fáng sì bǎo) называются четыре атрибута просвещенного человека – кисть, бумага, тушь и тушечница. Если сравнивать, каков базовый набор инструментов у русского писца, то

это будут – перо, бумага и чернила. Как видим, некоторые соответствия есть, однако и разница налицо. Именно различия в инструментах – кисть и перо – не только самым существенным образом повлияли на способ нанесения письменных знаков, но и сформировали национально-культурную специфику создания и восприятия письменного текста.

Написание иероглифов кистью сформировало культуру каллиграфического письма, в которой главное место занимает красота, а не ясность и понятность написанного. Принято отмечать сходство китайской каллиграфии и живописи, ведь у них общее орудие производства – кисть. Если русская письменная речь ориентирована на читателя, то китайское каллиграфическое письмо, скорее, на пишущего, так как оно – один из способов самовыражения человека, который одновременно и каллиграф, и художник. Однако каллиграфия все же письмо, результат которого – текст, предназначенный для чтения и любования.

Мысль о том, что овладение каллиграфическим искусством – длительный процесс, отражена в нескольких устойчивых выражениях.

Чтобы достичь каллиграфического мастерства, необходимо «исписать» немало кистей: *Изношенные кисти образуют холм* – 败笔成丘 (bài bǐ chéng qiū). У паремии два значения: так отзываются о прекрасной каллиграфии либо об авторе, написавшем большое количество произведений.

Если хотите писать хорошо, надо долго тренироваться (Каллиграфия выполняется в одночасье, но требует много времени, энергии и упражнения; Каллиграфия помогает воспитывать характер) – 字无百日功 (zì wú bǎi rì gōng).

Если вы хотите писать красиво, вам нужно тренироваться, если вы хотите ездить верхом, вам тоже нужно упражняться (букв.: Слова боятся практики, лошади боятся верховой езды) – 字怕练, 马怕骑 (zì pà liàn, mǎ pà qí).

Практика каллиграфического написания сравнивается с отработкой удара: *Удар для борьбы, слова для практики (Удар кулаком требует практики, и слова нуждаются в практике)* – 拳要打, 字要练 (quán yào dǎ, zì yào liàn). Общее в том и в другом случае – необходимость выработать твердость руки и точность нанесения удара противнику или иероглифа на бумагу.

Замечание о практической пользе хорошей каллиграфии зафиксировано в древней паремии, смысл которой можно передать следующим образом: *Многие <люди> из-за хорошей каллиграфии просят написать <других>, так как сами не могут, и делают долги* – 墨债山积 (mò zhài shān jī). Понять появление чэньюя помогает историческая справка: в Древнем Китае богатые люди должны были иметь библиотеку, что было не просто престижно, но говорило о статусе человека. Тот, кто сам не умел хорошо писать, вынужден был покупать произведения литературы, выполненные известными каллиграфами, и стоили такие тексты больших денег. Вот почему сложилась паремия о долгах тех, кто не владеет каллиграфией.

Кто уже владеет каллиграфией, тому не важно, какой кистью он пишет, так как зрелый мастер не зависит от инструмента: *Те, кто хорошо разбирается в каллиграфии, не выбирают ручку* – 善书者不择笔 (shàn shū zhě bù zé bǐ).

Значение 'мастерски владеть каллиграфией' присутствует в паремиях: *Писать шилом на песке* – 如锥画沙 (rú zhuī huà shā); *Ручка прекрасная, а чернила замечательные* – 笔精墨妙 (bǐ jīng mò miào) в значении 'шедевр (литературы, каллиграфии, живописи)'; *Луань* (сказочная птица в китайской мифологии) *реет в небесах, а феникс нашёл себе пристанище* – 鸾飘凤泊 (luán piāo fèng bó) – многозначный текст, который употребляется в двух значениях: 1) о разлучённых или разошедшихся супругах; 2) о шедеврах каллиграфии; наконец, чэньюй 丁真楷草 (dīng zhēn kǎi cǎo), в которой перечислены четыре стиля каллиграфии, содержит смысл 'человек <настолько> искусен, <что> может писать в разных стилях'.

Предшествует написанию обдумывание того, что каллиграф хочет изобразить: *Подумайте, прежде чем писать* – 意在笔先 (yì zài bǐ xiān).

То, что каллиграфия несет отпечаток личности пишущего, выражено в паремиях: *Язык – это выражение мысли и идей человека, а каллиграфия – это выражение чувств и опыта* – 言, 心声也; 书, 心画也 (yán, xīn shēng yě; shū, xīn huà yě); *У каждого особый характер, и это видно через каллиграфию (Каллиграфия – это отражение состояния)* – 人品既殊, 性情各异, 笔势所运, 邪正自形 (rén pǐn jì shū, xìng qíng gè yì, bǐ shì suǒ yùn, xié zhèng zì xíng); *Иероглифы похожи на людей (На того, кто писал)* – 字如其人 (zì rú qí rén). Видеть почерк человека, как видеть самого человека. У каждого человека разные качества, поэтому, когда они пишут, у них проявляется разное отношение к письму.

Особенность китайской каллиграфии – наличие общепризнанных образцовых стилей, традиционно сложившихся в истории развития этого мастерства. Часто вид написанного изображен через зоонимический код:

Голова шелковичного червя и хвост мыши – 蚕头鼠尾 (cán tóu shǔ wěi) – название стиля иероглифов, созданного Янь Чжэньцином в эпоху Тан;

Взмах кисти – словно извивание дракона и змеи – 笔走龙蛇 (bǐ zǒu lóng shé) – свободная манера скорописи цаошу, которая подобна полету дракона и движению змеи, легкий и непринужденный, «летающий» стиль письма;

Полет дракона и движения змеи – 龙蛇飞动 (lóng shé fēi dòng) о живом и энергичном иероглифическом почерке. Более кратко этот стиль называется «драконы и змеи», он основан на росчерках и извивах – графическое уподобление движениям летящего дракона и ползающей змеи; считается одним из искусных стилем скорописи.

При овладении каллиграфией пишущему сначала приходится много лет копировать классиков и повторять их изображения. Только долгий путь ученичества может сформировать у каллиграфа красивое письмо. В образной системе паремий немало языковых и стилистических средств для описания графики написанного текста. Паремии, характеризующие различные манеры письма, а точнее каллиграфические «почерки», можно объединить в две группы, в зависимости от оценки хорошо / плохо.

Выражения с положительной оценкой написанного многочисленны. Можно выделить тексты, в которых говорится о красивой, изящной и хорошей каллиграфии:

Чернила падают на бумагу так же разнообразно, как облака и дым – 落纸云烟 (luò zhǐ yún yān) – о превосходной каллиграфии или поэзии;

Как девушка с цветами (Красавица носит заколку в форме цветка) – 美女簪花 (měi nǚ zān huā) – о красивом человеке или красивой каллиграфии;

Чудесная роса и чистый жемчуг – 仙露明珠 (xiān lù míng zhū) об изящном почерке;

Писать очень хорошо: как рисовать дракона линией – 龙伸蠃屈 (lóng shēn huò qū), то есть линии, которыми каллиграф пишет иероглифы, напоминают дракона, что является признаком искусного мастера;

Ещё одна особенность написания, отмеченная в поговорках, – свободное и легкое письмо:

Плывущие облака и текущая вода (Хорошая каллиграфия течет гладко как плывущие облака и текущая вода) – 行云流水 (xíng yún liú shuǐ) подвижный, живой, свободный, легкий (о стиле литературы, рисования и пения);

Написать с сильными ветрами и грозами – 下笔风雷 (xià bǐ fēng léi) – свободный и быстрый почерк;

Разъярённый лев <рвёт скалы> и жаждущий рысак <мчится к источнику> (Как лев рвет скалы, как жаждущий рысак мчится к источнику) – 怒猊渴骥 (nù ní kě jì) о стремительной, неудержимой манере письма.

В спектр оценок «хорошей каллиграфии» входят еще такие, как смелый, сильный, мускулистый, твердый, то есть эпитеты, которые более применимы к человеку:

Одним махом смести тысячную армию врага (Разгромить врага без особого труда; Одним ударом уничтожить силы врага) – 横扫千军 (héng sǎo qiān jūn) – о поэзии и каллиграфии – смело и великолепно;

Плывущие облака и вспугнутые драконы – 游云惊龙 (yóu yún jīng lóng) о талантливом и смелом каллиграфическом почерке;

Мускулистый и сильный – 丰筋多力 (fēng jīn duō lì);

Мускулы Яня, а кости Лю – 颜筋柳骨 (yán jīn liǔ gǔ) о твердом и выразительном почерке; по имени знаменитых каллиграфов Янь Чженьцина и Лю Гунцюаня.

Китайская каллиграфия традиционно выполняется на тонкой рисовой бумаге или на доске, что вызвало появление следующих устойчивых речений:

Сила <кисти> проникает (даже) сквозь бумагу – 力透纸背 (lì tòu zhǐ bèi) о выразительном почерке, выполненном с большой силой;

<Пишет> так глубоко, как печать на глине – 画沙印泥 huà shā yìn ní;

Сила, с которой тушь проникает сквозь материал, становится иносказательной характеристикой не только манеры письма, но и «глубины мысли». Так каллиграфия становится источником образов: изначально идиома *Тушь пропитала доску на глубину трех фэней* – 入木三分 (rù mù sān fēn) означала энергичный и изящный почерк, «а сейчас под этой идиомой чаще подразумевают глубокий анализ вопроса» [Сунь Чжичжэн, 2017, с. 166].

Наконец, еще одна паремия с положительной оценкой исполнения каллиграфии: *Аккуратный, тщательно выполненный, кропотливый, педантичный – 工工整整 (gōng gōng zhěng zhěng)*.

О неудачной каллиграфии выражений мало: *<След> весеннего (дождевого) червя и осенней змеи – 春蚓秋蛇 (chūn yǐn qiū shé) – скверный почерк, каракули; неприглядная и неуклюжая каллиграфия; неряшливый почерк; Неудачный штрих (в живописи, каллиграфии), букв.: Не удалось стать холмом – 败笔成丘 (bài bǐ chéng qiū)*.

Интересно отметить, что с помощью одних и тех же сравнений переданы противоположные оценки:

Полёт дракона и танец (пляска) Феникса – 龙飞凤舞 (lóng fēi fēng wǔ) – а) об исключительно красивом почерке; б) о небрежном скорописном почерке; в) плыть величаво, выплывать;

Как из железа черты (линии), как из серебра штрихи (крючки) – 铁画银钩 (tiě huà yín gōu) – а) о шедевре каллиграфии, о превосходном почерке, искусном письме; б) грубоватые и отчетливые штрихи.

Выводы. Интерпретация русских и китайских паремийных текстов позволяет прийти к следующим умозаключениям. Письмо в русской культуре связано прежде всего с грамотностью, тогда как в китайской – с опытом и характером человека. Если в русском паремиологическом пространстве письменный текст зачастую соотносится с законом, то в китайской – с литературным шедевром, часто – с поэзией. Важными критериями в оценке вида написанного на русском языке оказываются понятность и разборчивость почерка, для китайского же пишущего – красота.

Существенное различие двух паремиконов заключается в количестве текстов, характеризующих норму и не норму. В китайских паремиях преобладают тексты, содержащие положительную оценку написанного, показывающие образцы хорошей каллиграфии. При этом употребляются эпитеты (легкий, свободный, стремительный, мускулистый и пр.). В русской фольклорной картине мира распространены «отрицательные примеры», образная система которых включает сравнения.

Национальная специфика выражается в использовании природного кода, зоонимического и метеорологического, как образного ресурса при описании каллиграфии, а точнее – иероглифов. В китайских устойчивых оборотах упоминаются не только мифологические существа – дракон, феникс, но и вполне реальные – змея, червь, мышь, лев, лошадь. Самым нагруженным переносным смыслом стал образ дракона. Метеорологические явления, нашедшие отражение в паремиконе, – облака, вода, роса, ветер, гроза. Интересно, что почти совсем не представлена фитонимическая метафора.

В русской национальной культуре реализован другой подход: плохое письмо характеризуется как процесс и как результат. Кроме этого, еще и по нескольким параметрам: неразборчивая графика (буквы как куриные следы, «курячи ножки», разводы, как мак и пр.); произвольная пунктуация; негодное для писания перо (как

веретено, шест, словно огарок и др.); непрофессиональный писарь (писачка, писака, черт).

Для русского мировоззрения важной оказывается идея о невозможности переделать написанное, тогда как в китайской культуре приоритетна мысль о значении практики каллиграфического написания, которая сравнивается с отработкой удара, чтобы выработать твердость руки.

Образы пишущего отличаются: в русском паремиконе – это человек прежде всего грамотный и находящегося на службе; в китайском – это просвещенный и искусный мастер, связанный с литературным творчеством.

Таким образом, письмо как важный культурный феномен, отраженный в паремиях, выявляет своеобразие русской и китайской лингвокультур.

Источники

Большой китайско-русский словарь. Электронный ресурс <https://bkrs.info/>

Даль, В. И. Пословицы русского народа. Электронный ресурс https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php

Литература

Арекеева, Ю. Е. (2020). Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремииологии. *Евразийский гуманитарный журнал*, 1, 21–29.

Бо, Лю, (2009). Гендерные стереотипы в китайском и русском языках (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок). *Вестник ВятГУ. Филология и искусствоведение*, 4, 79–91.

Войцехович, И. В. (2007). *Практическая фразеология современного китайского языка*. Москва.

Гнездилова, Н. С., & Глинкин, В. С. (2016). Образ камня в китайском языке. *Вестник ТГПУ*, 10 (175), 59–63.

Десять чэньюев, которые обязательно нужно знать. Большой китайско-русский словарь. (2021). Электронный ресурс bkrs.info/Форум/attachment.php?aid=3114

За один иероглиф – тысяча золотых. Белый камень. Студия восточной живописи. (2021). Электронный ресурс <http://belykamen.by/index.php/chengyu#14>.

Китайские идиомы чэньюй. Белый камень. Студия восточной живописи. (2021). Электронный ресурс <http://belykamen.by/index.php/chengyu>

Комиссаров, В. Н. (2009). Перевод, как лингвистическая проблема. *Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца 20-го, начала 21-го веков* (с. 17–18). Ереван.

Коновалова, Ю. О. (Ред.). (2014). *Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения*. Владивосток.

Коробейникова, А. А., Хуан, Юньшэн, & Давыдова, Е. А. (2015). Образные номинации человека в русских и китайских пословицах. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11 (186), 77–82.

Пермяков, Г. Л. (1970). *От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)*. Москва.

Салимова, М. М. (2018). Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением «здоровье» (健康) и «болезнь» (疾病) (на материале китайского и русского языков). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 8 (799), 142–152.

Сперанская, А. Н. (2015). Фактурность речи в русском паремиконе. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 103–113.

Сперанская, А. Н. (2014). «Живое слово дороже мертвой буквы»: фактуры речи в русском паремиконе. *Русский язык: система и функционирование* (с. 117–121). Минск.

Сунь, Чжичжэн. (2017). *Китайские идиомы*. Москва.

Source

Large Chinese-Russian dictionary. (In Russian) Retrieved from <https://bkrs.info/>

Dal', V. I. Proverbs of the Russian people. (In Russian) Retrieved from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php

References

Arekeeva, Iu. E. (2020). Chengyu in the system of Chinese phraseology and paremiology. *Eurasian Humanitarian Journal*, 1, 21–29. (In Russian)

Bo, Liu, (2009). Gender stereotypes in Chinese and Russian (based on phraseological units, proverbs and sayings). *Bulletin of Vyatka State University. Philology and Art history*, 4, 79–91. (In Russian)

Chen' Shuan. (2013). Chinese idioms (chengyu 成语) as a component of the content of intercultural competence. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 3(23), 69–75. (In Russian)

Chzhan, Mian', & Saiakhova, D. K. (2017). Ethnocultural originality of proverbs and sayings in the Chinese language. *Philological sciences. Questions of theory and practice. The letter*, 12(78): in 4 parts, part 3, 192–194. (In Russian)

For one hieroglyph – a thousand gold. White stone. Oriental Painting Studio. (In Russian) Retrieved from <http://belykamen.by/index.php/chengyu#14>

Gnezdilova, N. S., & Glinkin, V. S. (2016). The image of a stone in Chinese. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 10 (175), 59–63. (In Russian)

Ivanova, E. V. (2006). *The World in English and Russian proverbs*. Sankt-Peterburg. (In Russian)

Komissarov, V. N. (2009). Translation as a linguistic problem. *Problems of translation interpretation of the text in the works of Russian linguists of the late 20th and early 21st centuries* (pp. 17–18). Erevan. (In Russian)

Konovalova, Iu. O. (Ed.). (2014). *Russia – China: ethnocultural specifics of speech communication*. Vladivostok. (In Russian)

Korobeinikova, A. A., Khuan, Iun'shen, & Davydova, E. A. (2015). Figurative nominations of a person in Russian and Chinese proverbs. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11 (186), 77–82. (In Russian)

Permiakov, G. L. (1970). From a saying to a fairy tale (Notes on the general theory of cliches). Moscow. (In Russian)

Salimova, M. M. (2018). Linguoculturological analysis of phraseological units with the meaning of "health" (健康) and "disease" (疾病) (based on the material of Chinese and Russian languages). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8 (799), 142–152. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2002). *Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects*. Rostov-on-Don. (In Russian)

Shchitov, A.G., & Mao, Chun'chao. (2013). Language in the culture of Russian and Chinese proverbs. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 8(26): in 2 parts, part 2, 211–215. (In Russian)

У, Вэй. (2012). Зима в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка). *Мир русского слова*, 3, 50–54.

Цзюй, Чуаньтин. (2018). Различия и интеграция символических значений животных в китайской и российской национальной культурной традиции (на примере пословиц и поговорок). *Мир науки, культуры, образования*. 5(72), 559–561.

Чжан, Мян, & Саяхова, Д. К. (2017). Этнокультурное своеобразие пословиц и поговорок в китайском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота*, 12(78): в 4-х ч., ч. 3, 192–194.

Чэнь Шуан. (2013). Китайские идиомы (чэньюй 成语) как компонент содержания межкультурной компетенции. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 3(23), 69–75.

Шмелева, Т. В. (2004). Алфавитная идиоматика. *Филология XXI века: проблемы и методы исследования* (с. 34–40). Санкт-Петербург.

Шмелева, Т. В. (2007). Алфавит в лексиконе: свое и чужое. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина* (с. 629–642). Москва.

Щитов, А. Г., & Мао, Чуньчао. (2013). Язык в культуре русских и китайских пословиц. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8(26): в 2-х ч., ч. 2, 211–215.

Shmeleva, T. V. (2004). Alphabetic idiomatics. *Philology of the XXI century: problems and methods of research* (pp. 34–40). Sankt-Peterburg. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (2007). Alphabet in the lexicon: your own and someone else's. *Language in motion: to the 70th anniversary of L. P. Krysin* (pp. 629–642). Moscow. (In Russian)

Speranskaia, A. N. (2014). "A living word is more expensive than a dead letter": the textures of speech in the Russian paremicon. *Russian language: system and functioning* (pp. 117–121). Minsk. (In Russian)

Speranskaia, A. N. (2015). The texture of speech in the Russian paremicon. *Ecology of language and communicative practice*, 1, 103–113. (In Russian)

Sun', Chzhichzhen. (2017). *Chinese idioms*. Moscow. (In Russian)

Ten chengyu that you definitely need to know. Large Chinese-Russian dictionary. (In Russian) Retrieved from bkr.info/Forum/attachment.php?aid=3114

The Chinese idioms of chengyu. White stone. Oriental Painting Studio. (In Russian) Retrieved from <http://belykamen.by/index.php/chengyu>

Tsziui, Chuan'tin. (2018). Differences and integration of symbolic meanings of animals in the Chinese and Russian national cultural traditions (by the example of proverbs and sayings). *The world of science, culture, education*, 5(72), 559–561. (In Russian)

U, Vei. (2012). Winter in the Russian paremiological space (against the background of the Chinese language). *The world of the Russian word*, 3, 50–54. (In Russian)

Voitsekhovich, I. V. (2007). *Practical phraseology of the modern Chinese language*. Moscow. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Сперанская, А. Н. (2021). Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 33–45. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-33-45

For citation:

Speranskaya, A. N. (2021). Writing and Calligraphy in Paroemias: Russian-Chinese Comparisons. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 33–45. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-33-45